

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
К66

JAMES S. A. COREY

BABYLON'S ASHES

BABYLON'S ASHES © 2016 by Daniel Abraham and Ty Franck

All rights reserved

All rights reserved. Except as permitted under the U.S. Copyright Act of 1976, no part of this publication may be reproduced, distributed, or transmitted in any form or by any means, or stored in a database or retrieval system, without the prior written permission of the publisher.

Перевод с английского *Галины Соловьевой*

Иллюстрация на переплете *Николая Плутахина*

Кори, Джеймс.

К66 Пепел Вавилона / Джеймс Кори ; [перевод с английского Г. Соловьевой]. — Москва : Эксмо, 2020. — 576 с.

ISBN 978-5-91878-353-5

Назревавшая десятилетиями революция Пояса началась в огне. Окончится она кровью. Свободный флот — радикальная группа астеров — нанес непоправимый ущерб Земле и теперь ведет пиратскую войну среди внешних планет Солнечной системы. Направляющиеся в тысячи новых миров за вратами колонисты становятся легкой добычей, и не осталось кораблей, достаточно сильных, чтобы их защитить. Команда Джеймса Холдена лучше других знает преимущества и слабости Свободного флота. Уступающие ему в числе и мощи остатки старых политических сил призывают к «Росинанту», поручая ему отчаянную миссию: достичь станции Медина в сердце сети колец-врат. Однако и новый альянс уязвим, а борьба за власть только начинается.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Издание на русском языке.

ООО «Издательство Фантастика Книжный Клуб», 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

ISBN 978-5-91878-353-5

*Мэтью, Хэлли и Кенн,
сделавшим все возможное*

ПРОЛОГ НАМОНО

Через три месяца после падения метеоритов Намоно увидела в небе клочки синевы. Удар по Лагуату — первый из трех разбивших мир камней — взметнул в воздух бóльшую часть Сахары, на много недель скрыв и Луну, и звезды. Даже багровое солнце с трудом пробивало мутные облака. Песок с пеплом сыпались на Великую Абуджу, скапливались барханами, перекрашивая город в желтовато-серый цвет — в тон небу. Еще разбирая с волонтерской командой обломки, занимаясь ранеными, Ноно поняла: раздирающий ей грудь кашель с черной мокротой — оттого, что надышалась смертью.

От кратера, оставшегося на месте прежнего Лагуата, Лабуджи отделяли три с половиной тысячи километров. Ударная волна повыбивала окна, обрушила часть зданий. Двести погибших, если верить новостям, и четыре тысячи раненых. Больницы переполнились. Если вы не на краю смерти, просим вас оставаться дома.

Электрическая сеть вскоре рухнула. Солнечным батареям не хватало освещения, а наполненный песком воздух разъедал ветряки — их не успевали очищать. Пока из Киншасы везли термоядерный реактор, город пятнадцать суток сидел без света, да и потом все, что было, направлялось на гидропонику, больницам и правительству,

поэтому жить светлее не стало. Выйти в сеть с ручных терминалов удавалось не всюду, да и то ненадежно. Иногда они на сутки оставались без связи с миром. Следовало ожидать, твердила себе Намоно, — если бы такое вообще можно было предвидеть.

И все же через три месяца в огромном бельме неба появился просвет. Красноватое солнце соскальзывало на запад, и на востоке засветились лунные города — самоцветы на синем поле. Да, грязноватая и клочковатая, но синева. Ноно утешалась, глядя в нее на ходу.

Международный квартал возник, по историческим меркам, недавно. Редкое здание насчитывало больше ста лет. Этот район запомнил любовь прошлого поколения к широким проездам между лабиринтами узких улочек и мягким изгибам квазиорганической архитектуры. Главным ориентиром оставался монолит Зума-рок. Пыль и пепел, засыпая скалу, не сумели ее изменить. Для Ноно здесь была родина. В этом городе она росла, сюда, покончив с приключениями, перевезла свою маленькую семью. Здесь надеялась на тихую жизнь.

Она зашла в горьком кашле — потом просто откашлялась.

Вот и центр помощи пострадавшим: фургон на краю общественной парковки. На боку трилистник — эмблема гидропонной фермы. Не ООН и даже не городская администрация. Чрезвычайное положение сплющило слои бюрократии в тонкую лепешку. Спасибо и на том — не всюду найдешь даже такой фургон.

Пологий холм, поросший прежде травой, скрылся под коркой пыли и пепла. Тут и там змеились борозды и изломанные трещины — дети все равно пытались здесь играть, но сейчас никто не катался по склону. Люди собирались в очередь. Ноно тоже встала. У всех здесь были такие же пустые взгляды. Шок, истощение, голод. И жажда. В международном квартале проживало много норвежцев и вьет-

намцев, но пепел и несчастье сбили всех, независимо от цвета кожи, в одно племя.

Борт фургона поехал вниз, очередь шевельнулась, предвкушая. Еще один недельный паек, пусть даже скудный. Дожидаясь своей очереди, Ноно со стыдом вспомнила, что никогда в жизни не нуждалась в базовом пособии. Она была из тех, кто заботится о других, а не из нуждающихся в поддержке. Но вот теперь и ей понадобилась помощь.

Она дошла до фургона. Человека, протянувшего ей пакет, она уже видела. Круглолицый, с черными веснушками на смуглой коже. Он спросил адрес, она назвала. После мимолетной заминки он с четкостью автомата протянул ей белый пластиковый пакет. Ноно взяла. Ужасно легкий. Раздатчик взглянул ей в глаза, только заметив, что женщина не отходит.

— У меня жена, — сказала Намоно. — И дочь.

В его глазах вспыхнула ярость, жесткая, как пощечина.

— Если они могут ускорить рост ячменя или создать рис из ничего, присылайте их к нам. Если нет... вы нас задерживаете!

Глаза у нее защипало от слез.

— По одному на дом, — отрезал раздатчик. — Проходите.

— Но...

— Проходи! — рявкнул он, щелкнув пальцами. — Люди ждут!

Ноно отошла, слыша за спиной непристойные ругательства. Слезы уже высохли — можно не утирать. Вот только глаза щиплют.

Зажав пакет под мышкой, она дождалась, пока проявится зрение, и пошла к дому. Задерживаться нельзя — есть другие, более отчаявшиеся или менее принципиальные, чем она: они поджидают неосторожных за углами

и в подворотнях в надежде раздобыть фильтры для воды и пропитание. Надо идти твердым шагом, чтобы не сочли за добычу. Несколько кварталов она занимала изголодавшийся, измученный ум фантазиями о схватке с ворами. Как будто катарсис насилия сулил ей мир.

Уходя, она обещала Анне зайти на обратном пути к старому Джино, проверить, добрал ли старик до машины с помощью. Но, добравшись до нужного поворота, она не стала заворачивать. Усталость уже высасывала мозг из костей, и ей страшно было подумать: возвращаться в очередь, подпирая собой старика. Скажет, что забыла. Это будет почти правдой.

На повороте с широкого бульвара в свой тупичок она заметила, что фантазии в голове сменились. Теперь под ее ударами молил о пощаде не вор, а конопатый раздатчик помощи. «Если они ускорят рост ячменя...» Это как понимать? Шуточка насчет использования тел вместо удобрений? Он посмел угрожать ее семье? Да кем он себя воображает?

«Нет, — явственно, как будто Анна была рядом, ответил ей внутренний голос. — Нет, он злился, потому что хотел бы помочь, да не мог. Сознание, что всех твоих усилий мало, — само по себе груз. Только и всего. Прости его».

Намоно понимала, что надо бы, но не простила.

Домик у них был маленьким. Полдюжины комнат, стиснутых, как влажный песок в детском кулачке. Ни прямых линий, ни прямых углов. От этого жилье скорее походило на грот или пещеру, чем на построенное человеком здание. Перед дверью Ноно замешкалась, приводя в порядок мысли. Солнце садилось за Зума-рок, в наполненном песком и дымом воздухе вычерчивались широкие лучи. Как будто утес обзавелся нимбом. И точка света в темнеющем небе. Венера. Сегодня в небе, может быть, загорятся звезды. Она уцепилась за эту мысль, как

за спасательный плотик в море. Может быть, будут звезды.

В доме было чисто. Коврики вытряхнуты, кирпичный пол подметен. И пахнет сиренью — кто-то из прихожанок Анны принес благовония. Намоно смахнула последнюю слезу. Можно сделать вид, что глаза покраснели от уличной пыли. Если ей и не поверят, так тоже делают вид.

— Алло! — позвала она. — Есть кто дома?

В дальней спальне взвизгнула Нами, зашлепала босыми ногами по брускам, пулей вылетела к двери. Ее малышка стала не так уж мала. Она теперь доставала макушкой Ноно до подмышки, а Анне до плеча. Ребяческая пухлость ушла, уже подавала голос жеребьячья красота подростка. Кожа чуть светлей, чем у Ноно, густые тугие кудряшки, но улыбка — русская.

— Вернулась!

— Как же не вернуться, — отозвалась Ноно.

— Что нам дали?

Намоно отдала дочке белый пакет. Заговорщицки улыбнулась, склонившись к ее лицу.

— Может, ты посмотришь и расскажешь мне?

Нами в ответ ухмыльнулась и поскакала в кухню так, будто ей вручили не восстановители для воды и быстрорастущий ячмень, а бриллианты. В ее не совсем наигранном восторге, кроме искренней радости, было и желание уверить матерей, что с ней все хорошо, что о ней можно не волноваться. Сколько силы — не только ей — дает стремление защитить другого. Ноно не знала, хорошо это или плохо.

В спальне лежала на подушках Анна. Пухлый том Толстого пристроился рядом. Корешок изломан — не раз перечитывался. «Война и мир». Анна тускло бледна, лицо осунулось. Ноно осторожно присела рядом, опустила ладонь на голую кожу на правом бедре жены, над разби-

тым коленом. Кожа уже не обжигала и не натягивалась, как барабан. Хороший знак.

— Сегодня в небе были просветы, — рассказала ей Ноно. — Ночью могут показаться звезды.

Анна улыбнулась своей русской улыбкой — той самой, что с ее генами передалась Нами.

— Вот и хорошо. Перемена к лучшему.

— Видит бог, есть куда меняться, — отозвалась Намоно и, еще не договорив, пожалела, что не сдержала горечи. Чтобы смягчить сказанное, взяла Анну за руку. — И ты лучше выглядишь.

— Сегодня жара нет, — согласилась Анна.

— Совсем?

— Ну, немножко.

— Много было гостей? — скрывая недовольство, спросила Ноно. Прихожане устроили вокруг раненой Анны большую суету, несли знаки внимания, наперебой предлагали помощь, не давая больной отдохнуть. Намоно позволяла себе вмешаться и отослать их. Она подозревала, что Анна это допустила больше за тем, чтобы паства не отдавала ей последние припасы.

— Амири заходил, — сказала Анна.

— Да что ты? И чего же хотел мой кузен?

— Завтра у нас молитвенное собрание. Всего около дюжины человек. Нами помогла прибрать для них гостиную. Я знаю, надо было тебя спросить, но...

Анна кивнула на распухшую, как тесто, ногу, словно самым страшным, что с ней случилось, стала неспособность стоять за кафедрой. Может, так оно и было.

— Если ты уже в состоянии, — кивнула Намоно.

— Извини.

— Извиняю. Опять. Всегда.

— Ты добра ко мне, Ноно. — И, тихо, чтобы не услышала Нами: — Пока тебя не было, объявляли тревогу.

Намоно похолодела.

— Куда ударит?

— Не ударит. Перехватили. Но...

Молчание договорило за них. Еще один. Еще один камень, швырнутый в гравитационный колодец, в хрупкие останки земли.

— Я Нами не сказала, — призналась Анна так, словно считала за грех защитить ребенка от страха.

— Это ничего, — ответила Намоно. — Если надо будет, я скажу.

— Как Джино?

«Забыла» — уже подступило к горлу, но Намоно не сумела выговорить лжи. Себе она могла солгать, но не в чистые глаза Анны.

— Сейчас схожу к нему.

— Это важно, — сказала Анна.

— Понимаю. Просто я так устала.

— Потому-то это и важно. Катастрофа заставляет нас сплотиться. В критический момент это выходит легко, естественно. А когда все затягивается, приходится делать над собой усилие. Надо, чтобы все знали: мы вместе.

Пока не прилетел еще один камень, который флот не успеет перехватить. Или не откажут восстановители. Или не случится одна из тысячи бед, каждая из которых означает смерть. Но для Анны и это не беда. Лишь бы все были хорошими и добрыми друг к другу. Пока они бережно ведут друг друга к могиле, Анна считает, что следует своему призванию. Может быть, она права.

— Конечно, — сказала Намоно. — Просто хотела сперва занести домой помощь.

Она едва успела договорить, как в комнату ворвалась Нами: в каждой руке по восстановителю.

— Смотрите! Еще одна прекрасная неделя на очищенной моче и грязной дождевой воде! — возвестила она с усмешкой, и Намоно в миллионный раз подумала, какой идеальной копией своих матерей растет их дочь.

Кроме восстановителей, в пакете были зерновые брикеты быстрого приготовления, пакетики, на которых по-китайски и на хинди значилось «кур-строганов», и горсть таблеток. Витамины на всех. Болеутоляющее для Анны. Уже кое-что.

Намоно посидела, держа жену за руку, пока веки у Анны не опустились, щеки не обмякли, предвещая сон. За окном остатки закатного багрянца сменились серыми сумерками. Анна немного расслабилась, плечи опустились, разгладились складки на лбу. Анна не жаловалась, но ей, кроме общего страха, приходилось выносить боль и беспомощность калеки. Приятно увидеть, как все это отступает хоть ненадолго. Анна всегда была недурна собой, но во сне становилась красавицей.

Дождавшись, пока жена глубоко, ровно задышала, Намоно встала. У самой двери ее догнал хрипловатый со сна голос Анны:

— Не забудь про Джино.

— Как раз к нему иду, — тихо отозвалась Ноно, и дыхание Анны снова вернулось к ритму сна.

— А можно мне с тобой? — спросила ее на выходе Нами. — Терминалы опять отключились, делать нечего.

На язык просились: «Там слишком опасно» и «Ты можешь понадобится маме», — но в глазах дочери была такая надежда...

— Да, только обуйся.

Дорога к Джино стала танцем среди теней. К солнечным батареем пробилось достаточно солнца, чтобы половина домов тускло осветилась изнутри. Немногим ярче, чем от свечей, но светлее, чем раньше. Впрочем, сам город остался темным. Ни фонарей, ни огней небоскребов, и всего несколько ярких точек экогорода на юге.

Вдруг ярко, с силой вспомнилось, как Намоно, не старше, чем теперь ее дочь, в первый раз летела на Луну. Сверкание звезд, ошеломительная красота Млечного

Пути. Сейчас даже сквозь пыль над головами виднелось больше звезд, чем пробивалось прежде сквозь городскую засветку. Сияла Луна — серебряный полумесяц, обнимающий темное поле с золотой филигранью. Намоно взяла дочь за руку.

Пальцы Нами стали толще, тверже, чем раньше. Девочка росла. Уже не малютка. Сколько они строили планов на ее студенчество, на совместные путешествия! Все теперь рассыпалось. Мир, в котором они собирались растить дочь, пропал. Намоно подумала об этом виновато, будто могла предотвратить то, что случилось. Как будто это ее вина.

В сгущающейся темноте слышались голоса, но не так много, как бывало. Прежде этот район кипел ночной жизнью. Пабы, уличные артисты, недавно вошедшая в моду жесткая, гроыхающая музыка — словно кто-то рассыпал по улице кирпичи. Теперь люди ложились спать с темнотой и вставали с первым светом. Откуда-то пахло едой. Странное дело: даже ячменная каша может стать приметой уюта. Она надеялась, что старый Джино добрался до фургона или что за ним зашел кто-то из прихожан Анны. Иначе Анна добьется, чтобы ему отдали часть их пайка, и Намоно уступит.

Но этого еще не случилось. Нечего кликать беду, пока она не пришла. И без того у порога толпа бед. Пока они дошагали до поворота к старому Джино, в небе погасли последние отблески заката. Зума-рок виделась теперь тысячеметровой темной массой в темном небе. Словно земля бессильно грозила небу кулаком.

— Ох, — на вдохе вымолвила Нами. — Ты видела?

— Что видела? — спросила Намоно.

— Падучая звезда. Смотри, еще одна!

Да, среди неподвижных, только мерцающих звезд мелькнула полоска света. И еще одна. Пока они стояли рука в руке, по небу скатилось еще полдюжины. Она едва

сдержала себя, чтобы не броситься назад, не затолкать дочь в подворотню, прикрывая собой. Объявляли тревогу, но флот ООН успел перехватить удар. Эти вспышки в верхних слоях атмосферы — может быть, даже не его осколки. Или осколки.

Так или иначе, падучие звезды когда-то были красивыми. Невинными. Больше не будут. Для нее — не будут. И ни для кого на Земле. Каждая огненная полоска нашептывает о смерти. Говорит яснее ясного: «Всему может прийти конец, и ты тут ничего не изменишь». Еще одна яркая, как огонек горелки, полоска безмолвно расцвела огненным шариком величиной с ноготь.

— Эта была большая, — сказала Нами.

«Нет, — подумала Намоно. — Нет, эта не большая».

ГЛАВА 1

ПА

— **Н**а хрен, права не имеете! — в который раз проорал хозяин «Хорнблауэра». — Мы свое заработали — оно наше!

— Мы это уже обсуждали, сэр, — отвечала ему капитан «Коннахта» Мичо Па. — Ваш корабль с грузом задержан согласно приказу Свободного флота.

— Плевать мне на ваших голодающих! Если астерам нужны продукты, пусть покупают. А что мое, то мое.

— Нужны. Если бы вы подчинились приказу...

— Вы нас расстреляли! Отбили дюзы!

— Вы пытались уйти. Ваши пассажиры и команда...

— Свободный флот, раздери мою задницу. Воры! Пираты!

Стоявший слева Эванс — ее старпом и последнее пополнение семьи — крякнул, словно от удара. Мичо покосилась на него и наткнулась на взгляд голубых глаз. Эванс ухмылялся, сверкал белыми зубами на смазливой физиономии. Парень был хорош собой и знал об этом. Мичо приглушила микрофон, пропуская мимо ушей поток сквернословия с «Хорнблауэра», и кивнула ему: «Ну, что тебе?»

Эванс ткнул пальцем в сторону панели.

— Как сердит... задели беднягу койо, теперь не остановишь.

— Серьезней, — одернула Мичо, не сдержав, впрочем, улыбки.

— Я серьезно. Фраже бист.

— Это ты-то нежный?

— В душе. — Эванс прижал ладонь к скульптурной груди. — Ребенок, ми.

В динамике владелец «Хорнблауэра» накручивал себя до пены на губах. Его послушать, Па и грабительница, и шлюха, и плевать ей, чьи там дети мрут с голову, лишь бы ей платили. Будь она его дочь — убил бы, чтоб не порочила честь семьи. Эванс ухмылялся.

Мичо, как ни крепилась, рассмеялась в ответ.

— Ты знаешь, что, когда флиртуешь, у тебя акцент заметней?

— Да-да, — закивал Эванс. — Я — сложная смесь любви и порока. Но ты все же отвлекись от него. Теряешь терпение.

— Пока еще не потеряла. — Она оживила микрофон. — Сэр... Сэр! Давайте сойдемся на том, что я из тех пиратов, которые готовы запереть вас до Каллисто в собственной каюте, а не вышвырнуть в пустоту. Устраивает?

После короткой ошеломленной паузы по рации хлынул поток бессвязной ярости, завершившийся чем-то вроде: «Только попробуй, я твою астерскую кровь выпью насухо!» Мичо подняла три пальца. Оксана Буш махнула в ответ с противоположного конца рубки и застучала по оружейной панели.

«Коннахт» от рождения не был астерским кораблем. Его строили для флота Марсианской Республики и снабдили разнообразным набором военных и технических систем. Семья чуть не год разбиралась с ними, поначалу проводя учения в тайне. И только когда пришел срок, вступили в дело. Теперь Мичо на своем мониторе наблюдала, как «Коннахт» опознал и пометил на дрейфующем грузовике шесть точек, чтобы вскрыть корпус точно